

он считает, является южнославянской по происхождению компиляцией.⁷ Среди книг, послуживших источником «Княжьего изборника», В. Федер называет сборник царя Симеона (копия которого известна как Изборник 1073 г.), сборник «Златоструй» и некоторые другие — все южнославянские переводы.⁸ В процессе подготовки к изданию древнеболгарского перевода «Энхиридиона» Эпиктета мне посчастливилось найти еще один источник «Княжьего изборника», который проливает дополнительный свет на работу компилятора и вместе с тем расширяет наши представления о репертуаре болгарской письменности X в. Этот новонайденный источник через ряд промежуточных этапов отразился и в Изборнике 1076 г. — в статье, озаглавленной «Наказание богатым» и занимающей в кодексе л. 24 об.—28 об.

Оригинал большей части фрагментов, составляющих «Наказание богатым», известен: американский византист и славист И. Шевченко установил, что статья Изборника 1076 г. представляет собой экскерпты из памятника византийской политической мысли «Наставления» диакона Агапита.⁹ Составленное между 527 и 548 гг. и обращенное к императору Юстиниану сочинение константинопольского диакона относится к популярному в Византии жанру «зерцал» — наставлений правителю.¹⁰ Чеканные формулы, выставляющие величие императорской власти, ее божественное происхождение, но вместе с тем и обязанности царя по отношению к подданным, насыщенность общественно-политической топикой (сравнения императора с солнцем, кормчим и т. д.) и изысканный язык — все это сделало «Наставление» Агапита наиболее популярным в средневековой Европе учебником по *ars gubernandi*.¹¹ Достаточно сказать, что к трактату обращался порфириносный писатель Мануил II Палеолог, что его переводил с латинского на французский король Людовик XIII, что он находился в поле зрения Эразма Роттердамского и Гуго Гроция. Благодаря своему нравоучительному пафосу «Наставление» прочно вошло также в круг монашеского чтения. Если добавить, что сочинение Агапита использовалось как пособие обучающимися греческому языку, сфера распространения этой книги будет более или менее очерчена.

Нет ничего удивительного, что и в средневековых литературах южных и восточных славян «Наставление» нашло благосклонный прием. Переводы Агапита, появлявшиеся вплоть до XVIII в., история освоения его политических рецептов, наконец, реминисценции из его «зерцала» в оригинальных сочинениях славянских писателей — все это подробно рассмотрено в серии работ И. Шевченко.¹² Для темы нашей статьи наиболее важны выводы, касающиеся первоначального перевода «Наставления». Указав на отклонения от греческого оригинала, общие для полного перевода «Наставления» и выборки Изборника, И. Шевченко пришел к заключению, что экскерпты, составляющие «Наказание богатым», не являются прямым переводом с греческого, но восходят к существовавшему уже славянскому

⁷ V e d e r W. The «Izbornik of John the Sinner». P. 30.

⁸ Ibid. P. 29.

⁹ Š e v č e n k o I. On Some Sources of Prince Svjatoslav's Izbornik of the Year 1076 // *Orbis scriptus: D. Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. P. 723—732.

¹⁰ Наиболее доступное изд.: M i g n e J. P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Parisiis, 1865. T. 86, pars 1. Col. 1153—1186.

¹¹ Подробный анализ содержания трактата см.: Henry III P. A Mirror for Justinian: The «Ekthesis» of Agapetus Diaconus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1967. Vol. 8. P. 281—308.

¹² Š e v č e n k o I. 1) A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Harvard Slavic Studies*. Cambridge (Mass.). 1954. Vol. 2. P. 141—179 (перепечатано в кн.: *The Structure of Russian History*. New York, 1970. P. 80—107); 2) Ljubomudrějšíj Kyr'' Agapit Diakon: On a Kiev Edition of a Byzantine «Mirror of Princes». With a Facsimile Reproduction // *Recenzija: Review of Soviet Ukrainian Publications*. 1974. Vol. 5, N 1. Supplement; 3) Agapetus East and West: The Fate of a Byzantine «Mirror of Princes» // *Revue des études sud-est européennes*. 1978. T. 16, N 1. P. 3—44.